

ПОЛЮСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЭТНОГРАФИИ. МИФ И ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

В настоящее время теоретические (структурные) исследования в этнографии сосредоточены на двух полюсах, один из которых представлен духовной культурой («фольклор»), другой социальной культурой («системы родства»). Причем оба экстремума проявления этнографических интересов явно стремятся к взаимному удалению, что выражается в создании специализированной терминологии. Материальная культура оказывается где-то посередине под именем знаковой реальности (вещь как знак или вещь как символ социальных отношений), а то и вовсе игнорируется в качестве предмета исследования в силу своей «нетеоретичности» («профанности»). По нашему мнению, схема «эзотерическое — экзотерическое» применима не только к анализу самого предмета исследования этнографии, но и к решению конкретных задач, поскольку проблема первичности фольклора и этнографии во многом связана с взаимными претензиями на эзотерический характер «своего» знания.

Вывод, сделанный на основе анализа обрядов относительно презумпции синхронического подхода к исследованиям, распространяется и на их словесное сопровождение. Это довольно легко продемонстрировать на примере устоявшейся классификации явлений традиционной духовной культуры на *мифологию и фольклор*, что примерно соответствует представлениям о высших существах (высшая мифология) и локальных духах (низшая мифология, или демонология). С одной стороны, в первобытной культуре вера в верховные (небесные) существ-

ва, на заре теоретической этнографии часто принимавшаяся за доказательство исконного характера монотеизма, сосуществует с разветвленными представлениями о различных классах безымянных духов. С другой стороны, в крестьянской культуре наряду с демонологическими существами (лешими, домовыми, русалками и пр.) сохраняется почитание верховных существ, воплощаемых непосредственно в образах протагонистов календарных праздников (Масленица, Коструба, Кострома и др.) То же самое можно сказать по поводу соотношения мифа (мифологии) и фольклора. Ниже мы увидим, что функционирование священного мифа в архаической культуре невозможно в принципе без одновременного создания облегченных, или искаженных («перевернутых»), версий, в которых нетрудно разглядеть уже вполне отчетливые очертания волшебной сказки. И наоборот, в крестьянской культуре жанр волшебной сказки существует параллельно жанру быличек, или мифологических рассказов, а зачастую неотделим от них. Сакральность мифологических рассказов проявляется прежде всего в общеизвестной установке на восприятие их содержания как реальных событий. С этой точки зрения волшебные сказки выступают в качестве экзотерических версий быличек, т. е. рассказов о ведьмах, мертвецах, леших и пр., при давно замеченном исследователями сказок обстоятельстве: лешие, домовые, водяные (а также, добавим, обрядовые образы вроде Масленицы) только в виде очень редких исключений выступают в роли сказочных персонажей. Все это мифологические, следовательно, для традиционной аудитории реально существующие персонажи.

Первобытная сказка

Филологи-фольклористы довольно часто пользуются термином «первобытная сказка», но не приводят примеров этого явления. В аборигенной Австралии образ пожирательницы маленьких детей является экзотерической версией мифологической патронессы инициации — версией, рассчитанной именно на детскую аудиторию. Но прежде чем перейти к вопросу о связи между чисто мифологическими и волшебными персонажами, необходимо рассмотреть саму возможность перехода от мифа к волшебной сказке. Это в свою очередь требует более точного определения того, как соотносятся между собой миф и